

38 страниц

ПО

верлибры

Александр Василенко

Александр Василенко
38 страниц. Верлибры

«Издательские решения»

Василенко А.

38 страниц. Верлибры / А. Василенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532872-4

«38 страниц» — первый крупный сборник верлибров поэта. Второй после значительного по содержанию, но небольшого по объёму «Боткинского цикла». Декорациями для стихов послужили Санкт-Петербург и его окрестности. По словам автора, чтение данных произведений не только смелый шаг в сторону от привычного восприятия «поэзия = конвенциональные стихи», это путешествие длиной в год по миру неосязаемых и метафизических пространств города на Неве. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-532872-4

© Василенко А.
© Издательские решения

Содержание

На крыши, Дилшод!	6
Ночь	7
История технической воды	8
Мороз	9
Тайны у Египетского моста	11
Капитан Страх	12
Оживший ХЛЕП	14
Проверки сирен оповещения населения	15
Молитва будильнику	17
Май во дворе (16+)	19
На петербургском подоконнике (добро пожаловать)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

38 страниц. Верлибры

Александр Василенко

Редактор Алексей Франческа

Дизайнер обложки Юлия Журавель

Иллюстратор Юлия Журавель

© Александр Василенко, 2021

© Юлия Журавель, дизайн обложки, 2021

© Юлия Журавель, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-2872-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На крыши, Дилшод!

когда серые витрины для окон
новостроек застыли на полуслове
за мрачно дремлющим Каменным островом
плавная Петроградка оставила записку на фасадах

но я выпил столько вина
что не могу разобрать её диалект
петербургского языка

таксист левитировал в радиоволнах
как узбекский бог диско из Монте-Карло
а мой пьяный язык дрых на челюсти
и я не смог провозгласить:
СМОТРИ, КАК ЧУДЕСНО!!! ДИЛШОД!!!
разве что плюнул беззвучной фразой
и все буквы рассыпались по ковровину салона
трудолюбивого зверя KIA-что-то-там
белого цвета

лень подбирать слова с пола
выковыривать их из-под ручек
наклоняться за ними под кресло
когда они ещё и убегают от меня

когда бежит по карнизам Гермес
с Дионисом на спине, летят сфинксы
и джаз-банда ангелов так близко к борту
летит, обгоняет, трубит симфоническим ветром

улыбаются —
значит, грехи мои не так уж страшны
так хочется, чтобы были крылья
и с ними взлететь

а они:
ЭЙ! ТЫ ЖЕ ЛЕТИШЬ! ВИНО – ТВОИ КРЫЛЬЯ

ПОЕХАЛИ ЖЕ НА КРЫШИ, ДИЛШОД!

таксист нажимает на красную кнопку
и мы гарцуем над Троицким Мостом
как два Чкалова.

Ночь

ночь – это просто жёлтые окна
а вокруг ничего
это фонарь и замёрзшая клумба
а вокруг ничего
это фары с ворчаньем мотора
а вокруг ничего
это пар изо рта и неясная речь
а вокруг ничего
это звёзды, бегущие от метеорита
а вокруг ничего

История технической воды

техническая вода
с внешностью жидкого Урук-Хая
с заржавевшими зубами
с ослабленным трубами телом

то мышью крадётся в батарее
тёплых жилищ
то мечется в недрах тротуаров
как Шай-Хулуд из Дюны

она умоляет Мороз
рвать и разрушать всё твёрдое
что разделило их

грызть тротуары и гнуть люки
колючей прозрачной палицей

он грызёт
и он бьёт
и наконец

жарким фонтаном полным любви
она вырывается наружу
расправляя крылья
для неистовых объятий

гадкой старой уродиной её делали железки
а сейчас она – парообразный лебедь
с крыльями из кипятка
смертоносно восхитительная птица

но она не по нраву
домуправу Петровичу
топающему за мерзавчиком

он поцеловал воздух коротким
«бля»

Мороз

красное солнце поздних восходов
тает, как барбарис
на языке Весны

да – через час оно всё ещё будет
сладко-морозным
с отзвуком елового инея

смертоносная глушь
слушает ветхую птицу-колдунью

воздух на ощупь как гвоздь
или жестяная кружка —
жадно впивается в зубы
и язык

Мороз пока что хозяин
этой дремучей земли
древний князь бородатый

меч его ледяной ослепляет
бликами миражей
на границе когтей бурелома
и сверкающей шкуры леса

ныл под ухо вьюгой Мороз
то справа, то слева, то сзади
бегал как медведь
казался поводырём

неверный путь указал

заблудилась
и становится прозрачной
человеческая фигура
утопающая в снегу

ещё одна жизнь
цветком вплелась в косу
хохочущей в макушках сосен
Весне

Тайны у Египетского моста

подёргивались четыре трубы храпящей
фабрики-слона
зашевелилось небо над Фонтанкой

тёмно-сиреневый конь ночи бежал на запад
с комьями горизонта всходил его розовый брат

над измельчённой прошлым днём
страстной диффузией слякоти и гололёда
загорелись лампы двух тайн
у Египетского моста —

Сфинкс и Человек

деревья от этого света
крючkovато заскрежетали
вовсе не от холода

многорукий чародей
спрятавшийся от обитателей
из прямоугольных нор, колдовал
сверкал символами в подкорке воздуха
чтобы остолбенело время
и слова сфинкса стали слышны

и вдруг стало слышно
как тысячи тайн
хором поют:

Я-я-я-а-а-я-я-я-а-а-я-я-я-а-а-я-я-я-а-а-я-я-я-а-а!

Капитан Страх

Капитан Страх, убивший моего Старика
вернулся на берег
для него я просто чайка
вопящая над грозной
океанской волной

мне кажется, все эти личности
с пиявочными присосками
вместо глаз – его отпрыски
они приходят ко мне
пожирать радость

предлагают выпить, покурить
притащили мне интернет
спрятали книги
закрыли в шкаф трёх сестёр: В, Н, Л

что ж, с ними не так уж и плохо
несмотря на то, что они меня пугают
– с ними свободно, пьяно и весело
по утрам они оставляют головную боль
и песочные часы на столе
как чёрную метку

и я их вижу спросонья, когда
последние песчинки проваливаются вниз
и чувствую в этот момент
как будто бы гнал на машине
и вот внезапно лечу с горки
прямо в чёрную бездну
– времени мало

и вот я прихожу к Нему
к моему Капитану – он состарился

почему-то привычно грозит мне
сильно ослабшей рукой
похожей на мокрую ветку
обтянутую куриной кожей
той, которой он столько лет
держал меня за горло

и я с трудом сдерживаю смех
мне очень щекотно

а он злится, грозит мне
теряя слова из обвислого рыбьего рта
– он давится сам собой
между зубов застряли волокна страха
его глаза стали мутно-серыми
Маленькими (хотя и говорят
что у страха глаза велики)

– я ухожу.

улетаю, как победившая ветер чайка
зная, что он не сможет заснуть ночью
от невидимых слёз

и я прощаю его, ведь он
так похож на моё отражение на Луне
двадцать с лишним лет назад...

он убил моего Старика
поглотил его
стал им.

Оживший ХЛЕП

на переулок, разглаженный безлюдностью
из-за ворчливой телефонной будки
заглянуло лицо голубоголавого
старичка ГАЗа в старомодных
круглых очках-фарах, в которых
танцует рассеянный апрель

грузовик, подпрыгивая, напевает:
дрынь-дрынь-дрынь-дрынь-дрынь!

а на квадратном боку надпись

ХЛЕП

– время сдуть пыль с Книги чудес
раз тут машина из детских рисунков

актриса весна открыла новый сезон

в журчащем платье приветствует песней парк
и сушит золотым феном
его прохудившийся серебристый халат
и он, боясь наготы
ищет зелёные брюки

может ли кто-то заметить
превращение человека в птицу
когда на улице такой спектакль?
а ведь птицы никогда не пользуются часами
и не слышат сотовый телефон

даже полностью
заряженный.

Проверки сирен оповещения населения

металлическое а капелла,
гнусавящая со стены
о летающих кирпичач
вместе с соседом
превратившимся во влажное конфетти

об огненных отпрысках Валькирий
влетающих туда, где ещё вчера
так хорошо шутилось
после трёх бокалов пенного

а капелла
трамбующая горизонт
чёрными как слепота грибами

а капелла
сдувающая плоть с костей
как в Хиросиме

язык репродуктора
елозит смычком
по барабанным перепонкам
скребётся когтями
металло-децибел в нежный глаз
июньского неба

диктор официально
с трясущимися по-левитановски
поджилками

наложен эффект на голос:
водолазный костюм

внимание! внимание!... —

баночка с чёрной гуашью
блокадных хроник падает
мне на лоб
заливает глаза:

задубевшие тени
пьют воду из проруби
на переправе из ада в аид

бывшие люди прощаются молча

с ними, тонкими, как сухие листья
в цинге и с рахитом

под ледяными половицами:
поеденные пулями
человеческие баржи

Невский пяточок

дыры в домах
сугробы
гробы

елозит, елозит, елозит
смычок
по сердцу

глаза мои бомбардируют стол
скупо
прозрачной солёной памятью

Молитва будильнику

из проталин на небесах
медные руки тянутся
к ангелам Исакия

царь на коне молчит
его время прошло – он
навсегда обездвижен
но глаза видят

пусть смотрит
как просыпается город
как живое поднимает веки
и свет обнимает каждый атом
как люди выпускают
кошельки в воду каналов

чтобы они немного поплавали

звонят монеты
шелестят купюры
в подводном царстве

деревья на берегу завидуют

и вот кошельки
возвращаются из бездны
наполненные золотыми
дублонами из трюмов
затонувших кораблей

архангелы в телах чаек
разгоняют тучи

вороны-купидоны поют
песни о том
что отступила вечная ночь
(хотя всего 10 утра
и в магазинах даже
не продают пиво)

шары и салют
БАБАХ! УРА!
реки смеха и улыбок
смывают с улиц
и проспектов

все государственные
знаки

и набережные приветствуют друг друга
и весь мир

встали с мест атланты и кариатиды
пьют кофе с эклерами на летних террасах
и все ленины пришли сыграть им
chanson française

и я молю поющие небеса о том
чтобы не зазвонил
будильник

Май во дворе (16+)

внутри снова проснулся я
и побежал ручейками
до кончиков пальцев
разлился щекоткой по макушке

встал у иллюминаторов зрачков
чтобы видеть, как дворик на пенсии
надел жёлтую штукатурную рубашку
зелёную шапку из листьев
и повязал голубой шарф с облаками

слушаю, как хихикают окна
деревянными рамами

слушаю, как ворчливая дверь
зевнула и решила
что самое время позагорать

кто-то похожий на шпиона мелькнул
делая вид, будто бы удирает
от солнечных зайчиков

замаскировался для похода в магазин
за хлебом и резиновой *****
да нет – не шпион это
просто спешит на спектакль
прохожий в театр «Гастроном»

сегодня спектакли повсюду
и все – о любви.

На петербургском подоконнике (добро пожаловать)

если проснувшись, видишь окна
висящие, как призраки коммунальных чуланов
во дворе на жёлтых
облупившихся холстах

и дырявые днища перевёрнутых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.